

Греческие земли в последней четверти XVIII в. в восприятии российских консулов*

В XVIII столетии среди образованных европейцев стало постепенно меняться отношение к грекам как к еретикам, которое прослеживается в литературе путешествий раннего Нового времени. Теперь греки воспринимались как потомки древних эллинов, пострадавшие от нашествия диких иноверцев-турок¹. Европейские путешественники по греческим землям, такие как французский ботаник и естествоиспытатель Жозеф Питтон де Турнефор, искали в современных им греках следы античного прошлого и сочувствовали их угнетенному положению в Османской империи. Даже греческое православие воспринималось ими как преобразованное древнегреческое язычество: «Их церкви построены дурно и бедны, но в них они поклоняются Иисусу Христу вместо ложных божеств, так долго бывших предметом культа их предков»². Такое восприятие греков в Европе закрепилось надолго: в 1970-е годы известный французский океанограф Жак-Ив Кусто (1910–1997) считал обряд рождественского освящения воды, который он наблюдал на Крите, остатком древнего минойского культа моря³.

В том же XVIII веке и в России расширяются познания о жизни греков под властью османов. Русская литература путешествий, в отличие от западной всегда симпатизировавшая поработанным единоверцам, пополняется изданием труда Василия Григоровича-Барского (1701–1747), сразу ставшего популярным⁴. Многотомные заметки об Османской империи и населяющих ее народах оставил иеромонах Леонтий, называвший себя Григоровичем-младшим, но они так и не были опубликованы⁵.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Национального научного фонда Болгарии, проект № 20-59-18004.

В то же время в России появляется еще одна категория очевидцев, описавших увиденное в Османской империи, — это первые российские консулы, прибывшие во владения султана после русско-турецкой войны 1768–1774 гг. В своих служебных донесениях они сообщали подробности о жизни тех областей, где несли службу, настроениях населения, взаимоотношениях с властями. Сообщать «верное и точное описание» места службы, «о всех подробностях, здешнее уважение одним или другим образом заслуживающих», «о всех тамошнего края примечательных происшествиях, внутренних учреждениях» входило в их непосредственные обязанности⁶.

Несмотря на то, что рапорты консулов, как и труд иеромонаха Леонтия, не были знакомы широкой публике, они читались в российском дипломатическом ведомстве⁷ и способствовали формированию в России представлений о жизни во владениях султана. Переписка консулов с миссией в Константинополе, Коллегией иностранных дел и Коммерц-коллегией хранится в Архиве внешней политики Российской империи в фонде 89 «Сношения России с Турцией».

Изучение этих документов и сегодня дает представление о том, каким было греческое общество под властью османов в последней четверти XVIII в. Эти документы, многие из которых написаны на итальянском и французском языках, как справедливо отмечал Г.Л. Арш, позволяют рассмотреть самые разные аспекты общественной и экономической жизни греков в то время⁸. Долгое время служебная переписка российских консулов в Османской империи оставалась практически неизученной. В последнее время отечественные исследователи стали всё активнее обращаться к этому источнику. Одним из первых его использовал Г.Л. Арш, почерпнувший в консульских донесениях немало новых ценных сведений⁹. Изучению этих документов посвящены также работы Д.В. Фрумина, Т.Ю. Кобищанова, В.А. Заниной¹⁰ и др.

Первый консульский пост, генеральное консульство в Архипелаге, был открыт уже в 1776 г. Однако назначенный на него Иван Васильевич Войнович прибыл к месту службы только к середине 1780-х годов. К этому времени стали открываться и другие консульства и вице-консульства в Османской империи. Но если

Войнович ранее уже бывал в местах своей будущей службы, пусть и во время войны¹¹, то этого нельзя сказать обо всех консулах и вице-консулах. К примеру, назначенный генеральным консулом в Морею (Пелопоннес) Христофор Комнино (Комнено), хотя и был этническим греком, но Пелопоннеса прежде не посещал. Ему и другим его коллегам приходилось опираться на те сведения, которые они могли почерпнуть из русской и европейской литературы путешествий. Поэтому реалии, с которыми они столкнулись на месте, не всегда соответствовали их априорным представлениям, тем более что консулы зачастую встречали враждебное к себе отношение со стороны местных властей.

Так, патрский воевода (градоначальник) не желал открытия в городе российского консульства, почему и чинил Х. Комнино всяческие препятствия. Это иногда вызывало слишком подозрительное отношение генерального консула ко всему, что происходило вокруг него. Между тем, зачастую то, что Комнино считал проявлением недоброжелательства, было обыкновенной практикой на Востоке: перед его домом казнили человека, поскольку дом располагался напротив таможни, где обычно проходили казни; по его окнам стреляли обычные хулиганы, а не политические провокаторы и т.п.¹².

Вероятно, Комнино не знал и некоторых деталей недавней истории тех мест. Это видно из его журнала (дневника), где он в начале 1786 г. отмечает, что в Этолии, на другом берегу Лепантского залива, собираются арнауты (албанцы) и готовятся к переправе на Пелопоннес. Это известие вызвало в Патрах почти что панику: «Здесь жители, не только слыша сие, но и одно имя “арнаут” в беспонятный страх приходят»¹³. Этот страх был бы вполне понятен Комнино, если бы он знал о том, что отряды воинственных албанских беев-мусульман были отправлены Портой подавлять Орловское восстание на Пелопоннесе (1770)¹⁴. Но они быстро вышли из-под контроля и после разгрома греческих повстанческих отрядов остались на полуострове и занялись грабежами и разбоем, устроив настоящий террор против местного населения. Как позже писал французский дипломат и историк Франсуа Шарль Пукевиль, «за девять лет двадцать тысяч христиан всякого пола и возраста были проданы албанцами на рынках

Северной Африки, а также румелийским туркам, а те, которых пощадили, влачили существование илотов (рабов. — *О. П.*)»¹⁵. «Албанская чума уничтожила всё... Пелопоннес почти полностью обезлюдил», — вторил ему греческий историк XIX века Константинос Сафас¹⁶. Даже если эти оценки преувеличивают факты, они передают впечатление о тех событиях, сохранившееся у греков.

Попытки османских властей решить эту проблему силами самих албанцев, в частности, клана Бушати, не увенчались успехом. Присутствие албанцев на Пелопоннесе теперь превратилось в проблему османских властей. Поэтому в 1779 г. была организована морская экспедиция, которой руководил капудан-паша Хасан Джезаирли, уничтожившая большую часть албанских разбойников. Местное население восприняло эти события как освобождение, албанцы же — как резню. И затаили злобу не только на греков, но и на единоверных турок¹⁷.

Донесения российских консулов свидетельствуют о том, что в тех областях, где греки составляли значительную часть населения, османские власти считались с греческой элитой и привлекали ее к управлению. На Пелопоннесе местные христианские старейшины-кодзабасы имели право посылать своих векилей (полномочных представителей) непосредственно в Константинополь, участвовали в работе администрации каза (уездов) и пашалыка. В совет при губернаторе входили один или два представителя христиан, называвшиеся аянами Мореи (тур. *Mora ayan*, греч. *Μωραυιάνας* или *Μοραυιάνης*)¹⁸. За эту высокую должность шла постоянная и жестокая борьба между несколькими кланами кодзабасов. «Первый аян Мореи» присутствовал и на официальном приеме пашой Х. Комнино в Наполи-ди-Романья (совр. Навплио) 31 июля 1785 г. и в числе прочих сановников и чиновников получил подарки от российского консула¹⁹.

В торговом городе Патры, ставшем резиденцией российского консула, общественной жизнью заправляли недавно объединившиеся семьи купцов и землевладельцев Канакарисов и Руфосов: потерявший брата бездетный Родис Канакарис дал свое имя и оставил состояние старшему сыну своей сестры, вышедшей замуж за Бенизелоса Руфоса. В 1785 г. представитель обеих фа-

милый 25-летний Афанасиос Канакарис, положивший начало известной в последующей политической истории Греции семьи Канакарисов-Руфосов, стал городским старейшиной²⁰. Руфосы, помимо городского дома, имели загородную виллу, где в 1794 г. глава семьи принимал путешествовавшего по Греции сицилийца Саверио Скрофани и рассказывал ему о сицилийском происхождении своего рода²¹.

О том, что греки входили в местную правящую элиту, сообщал и И.В. Войнович. На острове Микonos, который он избрал своей резиденцией, большой властью и влиянием пользовался драгоман капудан-паши Димитрий Мавроени. Его должность давала ему очень широкие полномочия: в период смены кади он становился практически единоличным правителем острова, исполнял судебные функции, собирал налоги, из которых, по сведениям И.В. Войновича, до 10 тыс. пиастров в год клал в собственный карман²².

Аналогичное положение занимал драгоман губернатора²³ на Кипре, который назначался непосредственно султаном. На вторую половину XVIII в. приходится пик власти драгоманов на острове, который ассоциируется с занятием этой должности Хаджигеоргакисом Корнесиосом (1779–1809 гг.). Власть Корнесиоса иногда превосходила власть самого паши. В сотрудничестве с иерархами Церкви, прежде всего, архиепископом Хрисанфом (1767–1810 гг.), на племяннице которого он был женат и которому был обязан своим возвышением, Корнесиос сумел добиться отставки ненавистного всем губернатора, «одноглазого тирана» Хаджи-Бакки (1775–1784 гг.)²⁴. О могуществе и богатстве Корнесиоса свидетельствует и его огромный роскошный дом в центре Левкосии, в котором ныне расположен Этнографический музей Кипра. И это лишь малая часть накопленных им за годы службы богатств.

Российский консул на Кипре Иван Ацали находился в дружеских отношениях и состоял в переписке с драгоманом и архиепископом²⁵. Архиепископ Хрисанф, принимавший живейшее участие в гражданской жизни острова, жаловался, что различные дела и просители не дают ему даже выспаться и пообедать²⁶. К могущественному Корнесиосу Ацали обращался с просьбой

помочь облегчить налоговое бремя, наложенное на местных христиан. Драгоман отвечал консулу, что губернатор готов идти на уступки, но сами греки не хотят платить ничего²⁷. Однако нам представляется, что Корнесиос был не вполне искренен: сбором налогов в пользу государства занимался он сам совместно с архиепископом, иногда драгоман и Церковь налагали собственные налоги на христиан²⁸. Не случайно именно против драгомана, а не губернатора были направлены народные восстания (1799, 1804 гг.), в которых участвовали мусульмане, христиане и линобамбаки²⁹, недовольные чрезмерными налогами. Судьба наиболее могущественных драгоманов на Кипре, как и судьба аянов Мореи, часто была трагической: трое самых влиятельных драгоманов XVIII века были убиты или казнены — Христофакис (1750), Хаджиюсиф (1776), Хаджигеоргакис Корнесиос (1809). Но если аяны Мореи становились жертвами интриг соплеменников, то драгоманов Кипра расставали с жизнью из-за зависти турецких сановников.

В свете этих фактов распространенное в литературе путешествий и перешедшее затем в историографию утверждение о том, что греки были угнетаемы турками, представляется несколько упрощенным. Взаимоотношения между этими этноконфессиональными группами были сложнее. Не только в Константинополе, где фанариоты нашли свою нишу в системе центрального управления Империей, но и на местах греческая верхушка в описываемое время была частью административной системы и активнейшим образом эксплуатировала соплеменников. Иногда в понимании населения туркам отводилось последнее место в перечне угнетателей после Церкви и собственных старейшин³⁰.

Повышение социального статуса и расширение полномочий представителей местных элит в ущерб османским должностным лицам в разных частях Османской империи во второй половине XVIII в. свидетельствуют об углублении системного кризиса в Империи. Традиционная система управления предполагала передачу части полномочий местным элитам, в результате чего и сформировалась система миллетов. Однако в описываемое время именно местные элиты, действуя не в интересах своей этноконфессиональной группы, а исключительно в своих собственных, стано-

вились источником социально-политической нестабильности, с которым центральной власти становилось всё труднее бороться.

Во второй половине XVIII в. наиболее могущественные представители местных элит начали обнаруживать сепаратистские настроения. Их проявления наблюдали и российские консулы. Российский консул в Александрии Кондратий (Конрад) фон Тонус стал даже участником, а затем и жертвой сепаратистских настроений мамлюкских беев в Египте³¹. Сепаратистские движения, которые сказывались и на соседних греческих землях, набирали всё большие обороты в Албании. Так, в Северной Албании (Шкодринский пашалык) уже в середине столетия пришла к власти семья беев Бушати, правившая этой областью свыше 70 лет³². В 1785 г. Махмуд-паша Бушати совершил успешный набег на Черногорию с захватом Цетине, а затем повел свое войско на юг против своего давнего врага Ахмеда Курт-паши, правившего Бератом. Эти события непосредственным образом повлияли на положение в Морее и Центральной Греции. По сообщениям российского генерального консула на Пелопоннесе Х. Комнино, Высокая Порта, губернатор Пелопоннеса и воеводы начали собирать войска для выступления в поход «против скутарского Магмут паши». Описывая военные приготовления и действия правительственных войск против Махмуд-паши, Комнино высказывает недоумение их масштабами³³. Но если вспомнить о событиях 1779 г., то становится ясно, почему турки спешили на помощь Курт-паше: ими двигало не только желание ограничить могущество шкодринского паши, но и предотвратить проникновение на Пелопоннес одержимых жаждой мести албанских отрядов. Страх турок перед албанцами особенно возрос в связи с известием о начале новой войны с Россией³⁴.

Ослабление центральной власти ощущалось не только по действиям крупных сепаратистов, претендовавших на независимость от султана, но и по локальным конфликтам. В Центральной Греции «в Салоне, в Ливадии и в других румельских местах происходят междоусобные драки и беспокойства, отчего тамошние жители претерпевают разорение», — сообщал в Петербург Х. Комнино³⁵. Хотя служебная переписка российских консулов содержит систематические указания на наличие сепаратистских движений и локальных конфликтов в Империи, в то же время

нет свидетельств о том, что эти движения носили национальный характер, были разрешением каких-либо межэтнических противоречий. Хотя документы говорят об албанцах, греках и турках, из контекста становится ясно, что речь идет об отношениях между верхушками этноконфессиональных общин или даже внутри одной общины, о дележе власти, влияния и доходов между ними.

Приказы Высокой Порты не всегда исполнялись полностью, а иногда и вовсе не исполнялись, что также свидетельствовало об ослаблении центральной власти: «Велено во всей Морее починять крепости, но и сие остается без исполнения, почему и крепости в прежнем состоянии», — свидетельствовал Х. Комнино³⁶. В связи с надвигавшейся русско-турецкой войной эти сведения имели большое значение, характеризую низкую степень готовности османских провинций к новому военному конфликту.

Примечательно, что не только российские консулы собирали информацию о положении дел в Османской империи, но и некоторые дальновидные османские сановники, в свою очередь, пытались узнать от них о том, что происходит в России, особенно в ее пограничных с владениями султана областях. Так, коринфский воевода Сали-ага выразил живой интерес к чеченскому мусульманскому проповеднику и вождю повстанцев шейху Мансуру, к помощи которого турки надеялись прибегнуть в борьбе за возвращение Крыма³⁷. Действительно, с началом русско-турецкой войны в 1787 г. шейх Мансур сумел собрать остатки разбитых в 1785 г. русскими войсками отрядов. Открытая помощь турок придала новый импульс его движению, возродила доверие к нему со стороны народов Чечни и Дагестана. Во время войны действия горцев оказались большим подспорьем османским войскам на Кавказе.

В донесениях российских консулов содержатся сведения о настроениях на местах и действиях османских властей в первые дни войны, когда консулы еще не успели покинуть территорию Империи. И греки, и турки ожидали прихода к берегам Греции российской эскадры, как это было в предыдущую войну, первые с надеждой, а вторые со страхом. Турки боялись нового восстания греков, поэтому «прислано было повеление отбирать у греков оружие». Из этого сообщения ясно, что после восстания 1770 г. полностью разоружить греков так и не удалось. На Пелло-

поннесе местная администрация боялась это делать насильно, чтобы не спровоцировать новых выступлений, предпочитая действовать уговорами и советами. Греческих старейшин вынудили поручиться за соплеменников, что они не возьмутся за оружие, обещая взамен свою защиту. «Начальники греки для своих интересов может быть и будут наблюдать сие поручительство, — писал Х. Комнино, — но мелкий народ, как я уверен, с нетерпеливостью ожидает прибытия сюда (российского. — *О. П.*) флота»³⁸.

В те же дни был издан указ, обязывающий острова Архипелага предоставить в распоряжение султана 40 кораблей с экипажами в 20 человек и еще 200 матросов. Из них 22 корабля, по сведениям Х. Комнино, должны были снарядить находившиеся у берегов Пелопоннеса острова Идра и Спеце, известные своим судостроением и прибыльной морской торговлей. А по информации консула на Кипре И. Ацали сообщал, что только с острова Идра власти требовали 28 кораблей. Греки сопротивлялись мобилизации, как могли: они спасались бегством и пытались вывести свои корабли за пределы Империи, например, во владения Венеции³⁹. Воевать на стороне султана они не хотели.

Донесения первых российских консулов в Османской империи в целом подтверждают принятое ныне в исторической науке представление о том, что к концу XVIII в. Империя вступила в период системного кризиса, и раскрывают его проявления в греческих землях. Верхушка греческого общества интегрировалась в систему управления Империей, представители местных элит иногда имели больший вес, нежели османские должностные лица, и действовали в своих личных интересах. В соседних албанских землях местные элиты к этому времени уже проявляли сепаратистские настроения. Их политика сказывалась на положении греческих областей. Социальная обстановка осложнялась конфликтами между отдельными семьями или представителями местных элит. В то же время приказы центральной власти часто не исполнялись. В таких условиях османам трудно было противостоять России в новой войне, которой весьма опасались местные власти. С ее началом греки саботировали меры властей по разоружению и мобилизации христиан, среди них наблюдались пророссийские настроения.

Примечания

- 1 *Βιγγουπούλου Ι.* Οι περιηγητές και ο ελληνικός ορθόδοξος κόσμος (15^{ος} — 19^{ος} αιώνας) // Μνήμη Πηνελόπης Στάθη. Μελέτες ιστορίας και φιλολογίας. Ηράκλειο: Πανεπιστημιακές εκδόσεις Κρήτης, 2010. Σ. 327.
- 2 *Tournefort J.P.* Relation d'un voyage du Levant. Т. 1. Paris, 1717. P. 113.
- 3 *Кусто Ж.-И., Паккале И.* В поисках Атлантиды. М.: Мысль, 1986. С. 43.
- 4 [*Григорович-Барский В.*]. Пешеходца Василия Григоровича-Барскаго-Плаки-Албова, уроженца Киевскаго, монаха Антиохийскаго, путешествие к святым местам, в Европе, Азии и Африке находящимся, предпринятое в 1723, и оконченное в 1747 году, им самим писанное. СПб., 1778.
- 5 Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 152. Оп. 505. Д. 11.
- 6 Инструкция консулу на Кипре Ивану Ацали // АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Т. 2. Д. 1131. Л. 3 об. Аналогичные инструкции получили и другие консулы.
- 7 У консулов было двойное подчинение: по вопросам торговли они должны были отчитываться перед Коммерц-коллегией, а по всем остальным — перед Коллегией иностранных дел.
- 8 *Арш Г.Л.* Россия и борьба Греции за освобождение: от Екатерины II до Николая I. М.: Индрик, 2013. С. 55–56.
- 9 *Арш Г.Л.* Греция после Кючук-Кайнарджийского мира по донесениям российских консулов // *Арш Г.Л.* Россия и борьба Греции за освобождение... С. 53–72; *он же.* Греция после Кючук-Кайнарджийского мира // История Балкан. Век восемнадцатый / Отв. ред. В.Н. Виноградов. М.: Наука, 2004. С. 445–466.
- 10 *Фрумин Д.В.* Миссия барона Тонуса: 225 лет назад в Египет был назначен первый российский консул // Восточный архив. № 1 (19). 2009. С. 4–15; *Кобищанов Т.Ю.* «Греческий проект» Екатерины II и Сирия // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2017. № 2. С. 3–25; *Занина В.А.* Деятельность русской дипломатии на Крите в 1784–1866 гг. Дисс. на соиск. ученой степени кандидата исторических наук. М., 2019.
- 11 Об И.В. Войновиче и его службе на посту генерального консула в Архипелаге см.: *Петрунина О.Е.* «Общие о Левантских консульствах известия» Ивана Войновича (1782) // Вестник Московского университета. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2019. № 2. С. 138–150.
- 12 Письмо посланника Я.И. Булгакова генеральному консулу в Морее Х. Комнино от 8 (19) декабря 1785 г. // АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Т. 2. Д. 1361. Л. 3–4 об.
- 13 Копия журнала генерального консула в Морее Х. Комнино за январь 1786 г. // АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Т. 2. Д. 1363. Л. 8 об.
- 14 В 1770 г. во время русско-турецкой войны российская эскадра под командованием А.Г. Орлова подошла к берегам Пелопоннеса, где при ее поддержке началось восстание местных греков.
- 15 *Rouquerville F.-C.-H.-L.* Voyage de la Grèce. 2ème édition. Т. 4. Paris: Firmin Didot, 1826. P. 335.
- 16 *Σάθας Κ.* Τουρκοκρατούμενη Ἑλλάς. Ἱστορικὸν δοκίμιον περὶ τῶν πρὸς ἀποτίναξιν τοῦ ὀθωμανικοῦ ζυγοῦ ἐπαναστάσεων τοῦ Ἑλληνικοῦ ἔθνους (1453–1821). Ἀθήνησι, 1869. Σ. 524.
- 17 Краткая история Албании / под ред. Г.Л. Арша. М.: Наука, 1992. С. 86–87.
- 18 *Πύλια Μ.* Λειτουργίες και αυτονομία των κοινοτήτων της Πελοποννήσου κατά τη δεύτερη τουρκοκρατία (1715–1821) // Μνήμων. 2001. Т. 23. Σ. 70.

- 19 Приложение к донесению консула в Морее Х. Комнино от 10 сентября 1785 г. // АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Т. 2. Д. 1359. Л. 39.
- 20 *Θωμόπουλος Σ.* Ιστορία τῆς πόλεως Πατρῶν ἀπὸ τῶν ἀρχαιοτάτων χρόνων μέχρι τοῦ 1821. Ἐν Ἀθήναις: Ν. Ἠγγλέσης, 1888. Σ. 404.
- 21 [*Scrofanì S.*] Viaggio in Grecia di Saverio Scrofanì siciliano, fatto nell'anno 1794, 1795. Т. 1. Londra, 1799. P. 142.
- 22 Копия письма генерального консула в Архипелаге И.В. Войновича посланнику в Константинополе Я.И.Булгакову от 31 января 1785 г. // АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Т. 2. Д. 1010. Л. 16.
- 23 Официально должность называлась «драгоман Сераля».
- 24 *Κιτρομλίδης Π.* Κοινωνικές σχέσεις και νοοτροπίες στην Κύπρο του δέκατου ὀγδοῦ αἰῶνα. Λευκωσία: Συγκρότημα Λαϊκῆς Τράπεζας, 1992. Σ. 33.
- 25 Резиденция консула находилась в Ларнаке, а архиепископа и драгомана — в Левкосии. Этим и объясняется отсутствие личного общения.
- 26 Письмо архиепископа Кипрского Хрисанфа российскому консулу И. Ацали // АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Т. 2. Д. 1133. Л. 60.
- 27 Письмо драгомана Георгия российскому консулу И. Ацали // АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Т. 2. Д. 1133. Л. 58.
- 28 *Μιχαήλ Μ.* Η διαδίκασια συγκρότησης ενός θεσμοῦ εξουσίας: Εκκλησία της Κύπρου, 1754–1910. Διδακτορική διατριβή. Κύπρος: Πανεπιστήμιο Κύπρου, Σχολή Ανθρωπιστικῶν Επιστημῶν, 2003. Σ. 97–101.
- 29 Линобамбаки (букв. «хлопчатольняные») — ироничное название номинально принявших ислам христиан (преимущественно католиков) на Кипре.
- 30 *Петрунина О.Е.* Греческая нация и государство в XVIII — XX вв. Очерки политического развития. М.: КДУ, 2010. С. 102.
- 31 *Фрумин Д.В.* Миссия барона Тонуса: 225 лет назад в Египет был назначен первый российский консул // Восточный архив. № 1 (19). 2009. С. 4–15.
- 32 *Арш Г.Л.* Албания: рост сепаратизма местных властителей // История Балкан. Век восемнадцатый. С. 481.
- 33 Копия журнала генерального консула в Морее Х. Комнино за январь 1786 г. // АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Т. 2. Д. 1363. Л. 8–8 об.; Донесение генерального консула в Морее Х. Комнино в Коллегию иностранных дел (далее — КИД) от 12 июля 1787 г. // АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Т. 2. Д. 1366. Л. 31–31 об.
- 34 Донесение генерального консула в Морее Х. Комнино в КИД от 1 сентября 1787 г. // АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Т. 2. Д. 1366. Л. 34 об.
- 35 Донесение генерального консула в Морее Х. Комнино в КИД от 16 июля 1786 г. // АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Т. 2. Д. 1363. Л. 38.
- 36 Там же.
- 37 Копия журнала генерального консула в Морее Х. Комнино за январь 1786 г. // АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Т. 2. Д. 1363. Л. 8 об.
- 38 Донесение генерального консула в Морее Х. Комнино в КИД от 1 сентября 1787 г. // АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Т. 2. Д. 1366. Л. 34 об.; Донесение генерального консула в Морее Х. Комнино в КИД от 13(24) октября 1787 г. // АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Т. 2. Д. 1366. Л. 35.
- 39 Донесение генерального консула в Морее Х. Комнино в КИД от 20 октября (1 ноября) 1787 г. // АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Т. 2. Д. 1366. Л. 38; Донесение консула на Кипре И. Ацали в КИД от 30 октября 1787 г. // АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Т. 2. Д. 1138. Л. 20.